себе показательно.

Таким образом, власть переложила ответственность за свою неспособность обеспечить территориальную целостность страны на население, не по своей воле, оказавшееся под властью оккупантов, а впоследствии еще и развернула массовую кампанию преследования этих людей, не особенно разбираясь, кто виноват, а кто просто стал жертвой обстоятельств. Этот исторический урок не должен быть предан забвению.

Литература:

1. Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Книга вторая. – Симферополь. – 2005. – С. 56.
2. Там же. – С. 12.
3. Там же. – С.11.
4. Там же. – С.12.
5. Реабілітація репресованих: законодавство та судова практика. – К. – 1997. – С. 45.
6. Там же. – С. 47-49.

Прошин Д. В.

ДЕМОКРАТИЯ, КОНФЛИКТ И ТЕРРОРИЗМ

Уже долгое время над политологами тяготеет кажущийся практически неразрешимым вопрос о соотношении демократии и терроризма. В дискуссиях вокруг него четко обозначились два лагеря. В то время как одни исследователи рассматривают демократию как политическую силу, эффективно предотвращающую террористическое насилие или препятствующую его разрастанию, другие считают, что именно демократия предоставляет наиболее благоприятную почву для возникновения терроризма. С точки зрения первых, защищая права человека и предоставляя гражданам возможность законными путями влиять на политику правительства, демократия делает обращение к террористическому насилию бессмысленным. С точки зрения вторых, свойственное демократии уважение к правам и свободам является не столько ее силой, сколько слабостью в противодействии терроризму. Демократия позволяет даже наиболее радикальным противникам существующего порядка (в числе которых могут быть и потенциальные террористы) объединяться и распространять свои идеи. Те же, кто уже перешел к террористическим методам, и их активные сторонники действуют в демократическом обществе, не испытывая на себе всей мощи государственного репрессивного аппарата, находящегося под правовым и общественным контролем.

Если перефразировать название одной из многочисленных работ, посвященных данной проблеме [1], больше демократии означает меньше или, напротив, больше терроризма. Будучи диаметрально противоположными по своему знаку, эти трактовки, однако, имеют два общих существенных изъяна.

Первым из них является то, что вопрос о связи между демократией и террористическим насилием в обоих случаях рассматривается в отрыве

от тех конфликтов, которые, собственно, и порождают терроризм. Когда демократию, предоставляющую гражданам возможность влиять на правительство, рассматривают как эффективное препятствие на пути терроризма, из этого следует, что суть любого социально-политического конфликта может быть представлена на языке демократии, и, соответственно, все основные требования, выдвигаемые в преддверии или в ходе конфликтов, могут стать предметом переговоров, голосований и компромиссов. Но демократический режим может столкнуться с противниками, бескомпромиссно выдвигающими неприемлемые требования, с противниками, не представляющими большинства или хотя бы значительной части граждан, или, наконец, с противниками, полностью отрицающими саму демократию (вполне возможно сочетание в одной террористической организации всех этих качеств). В подобных случаях демократия, несмотря на свою гибкость, оказывается перед лицом реальной террористической угрозы. Демократические режимы, предоставляющие своим гражданам одинаковые возможности для законного выражения недовольства, могут испытать на себе разные по силе удары террористов (в то время как другие подобные режимы не сталкиваются с проблемой терроризма вообще). В каждом из случаев уровень террористической активности соотносится не с наличием или отсутствием демократии, а с отсутствием или наличием и степенью остроты тех конфликтов, которые с наибольшей вероятностью могут привести к всплескам терроризма как симптома отрицания существующего политического порядка.

С другой стороны, когда демократию называют почвой, благоприятной для терроризма, вопрос о конфликте, одна из сторон которого обратилась к террористическим методам, заменяется вопросом об условиях протекания конфликта. Иными словами, рассуждая о том, как демократия способствует террористической деятельности, исследователи оставляют открытым вопрос о том, что в первую очередь заставило противников существующего порядка перейти к деятельности такого рода. Как и в том случае, когда в демократии усматривают препятствие на пути терроризма, здесь следует подчеркнуть: не предполагаемая «мягкость» демократии вызывает террористическое насилие, а наличие неразрешенного политического конфликта. Ограничиваться в вопросе о терроризме и демократии лишь описанием условий протекания террористической деятельности («мягкость» демократии), оставляя без внимания ее причины (конфликты, порождающие терроризм), – значит, помимо прочего, оставлять без внятного ответа неизбежно возникающий вопрос о том, почему разные демократические государства, будучи, согласно этой логике, одинаково уязвимыми для террористических атак, сталкиваются тем не менее с разным уровнем терроризма? (Ответом здесь, как и в первом случае, будет присутствие или отсутствие конфликта, достаточно острого для того, чтобы вызвать заметный всплеск насилия.)

Вторым изъяном, отличающим обе трактовки вопроса о терроризме и демократии, является то, что демократия рассматривается в них как нечто однозначное и неизменное. Более того – как политический режим, работающий исключительно на благо находящихся под его властью

людей. Решения, принимаемые демократическим путем (представителями, избранными большинством поданных голосов; правительством, подотчетным избирателям; непосредственно гражданами на референдумах и пр.), априорно признаются разумными и справедливыми. Исследователи могут рассматривать соотношение демократии и терроризма с полярно противоположных точек зрения, но в обоих случаях с терроризмом соотносится демократия как «хороший» политический режим. Именно в силу своей неизменной устремленности к благу демократия открывает дорогу законной оппозиционной деятельности, чем способствует мирному разрешению противоречий и лишает смысла террористическое насилие; и по этой же причине, гарантируя права и свободы даже своим потенциальным или уже действующим противникам, она оказывается легкой целью для террористических атак.

Однако такое понимание демократии не связано с каким бы то ни было конкретным политическим феноменом и не является также корректным обобщением ключевых характеристик некоторого ряда однородных феноменов. Проблема не ограничивается тем, как можно предположить, что наряду с либеральными демократиями в мире существуют демократии «нелиберальные» (разумеется, именно первые служат образцом при попытке соотнести с терроризмом неизменную «хорошую» демократию). Ставя вопрос о соотношении демократии и терроризма, следует учитывать потенциальную противоречивость всех разновидностей демократии. Нужно подчеркнуть, что речь идет не об «отклонениях» или «сбоях» в работе демократии, не о преступлениях ее представителей или защитников, а об имманентной ограниченности самих принципов демократии. Во всех своих разновидностях демократия не является эталонным воплощением справедливости, незыблемости законов или адекватного применения силы. Понятия «воля большинства», «голосование», «народное представительство» не вписаны в четко обозначенную политическую или нравственную систему координат и лишь отсылают к некоторым процедурным сторонам политического процесса – безусловно, важным, но отнюдь не определяющим характер всей совокупности социально-политических отношений. Иначе говоря, демократически принятое решение может являться не только ошибочным, но и несправедливым. Утверждение воли большинства может быть равносильно полному пренебрежению интересами меньшинства. Наконец, сама природа торжествующего большинства может носить несправедливый в своей искусственности характер.

Вопреки апологетическим трактовкам демократии, доминирующим в обсуждении проблемы демократии и терроризма, демократический режим может как стремиться к мирному разрешению противоречий и конфликтов, чреватых террористическим насилием или уже вызвавших его, так и усугублять эти противоречия и конфликты, консервировать или даже в первую очередь создавать их (оставаясь при этом демократическим режимом). В определенных условиях и/или воплощениях демократия может представлять собой сравнительно легкую цель для террористических атак. В другом же контексте именно демократической природой режима может обусловливаться применение к террористам предельно (даже

избыточно) жестких методов. Поэтому малосодержательные рассуждения о том, препятствует ли априорно «хорошая» демократия возникновению терроризма или способствует ему, должны уступить место тому подходу, в русле которого влияние демократических режимов на генезис и динамику террористического насилия будет рассматриваться с учетом имманентной противоречивости демократии, проявляющейся в ее конкретных разновидностях или даже в индивидуальных воплощениях.

После того как обозначены изъяны традиционных рассуждений о демократии и терроризме, становится очевидным, что их параллельная критика намечает новый общий подход к проблеме. Место простой корреляции (демократия – терроризм), не способной отразить все параметры проблемы и обремененной противоречиями, неразрешимыми для ее собственной логики, должна занять расширенная корреляция, включающая три элемента (демократию, конфликт, терроризм). Именно конфликт порождает терроризм, поэтому вместо того, чтобы пытаться установить, действительно ли демократия снижает риск терроризма, предлагая законные средства выражения несогласия и отстаивания интересов, нужно задаться вопросом, какие конфликты (хотя бы потенциально) поддаются такому разрешению, а какие по природе своей исключают (по крайней мере в своей изначальной форме) любые дискуссии и компромиссы; вместо того, чтобы пытаться установить, в какой мере «мягкость» демократии помогает террористам и «обнадеживает» их, нужно задаться вопросом о том, на какой почве возник тот конфликт, участники которого, уже в роли террористов, могут воспользоваться «мягкостью» своего противника. Но, обратившись к природе конфликтов, порождающих террористическое насилие в демократическом обществе, мы неизбежно придем к вопросу о роли, которую демократия может играть – уже не в генезисе терроризма, а в генезисе и динамике самих конфликтов, порождающих терроризм. Для ответа на этот вопрос потребуется отказаться от одномерного представления о демократии как о неизменно «хорошем» политическом режиме и включить в дальнейшие рассуждения все ее неоднозначные – более того, негативные – проявления. Только таким образом, через выяснение возможной – весьма противоречивой – роли демократии в возникновении конфликтов, порождающих терроризм, мы сможем прийти к установлению действительного соотношения между демократией и террористическим насилием.

Література:

1. More Freedom, Less Terror: Liberalization and Political Violence in the Arab World / [Dassa Kaye D., Wehrey F., Grant A., Stahl D.]. – Santa Monica: RAND Corporation, 2008. – 195 p.

Прядко Т. П.

ПОЛІТИЧНИЙ ПОПУЛІЗМ: ДЕЯКІ АСПЕКТИ ТЕОРЕТИЧНОГО ДИСКУРСУ

Становлення демократії в Україні супроводжується не лише позитивними